

В.Б. МУСИЙ

Украина, Одесса, Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА А.С. ГРИНА «ОТРАВЛЕННЫЙ ОСТРОВ»

Произведения Александра Грина представляют значительный интерес для исследователя процессов жанровой динамики русской литературы первых десятилетий XX века. Следует отметить, что учеными накоплен значительный опыт для понимания особенностей прозы этой переходной культурно-исторической эпохи. Это и общие работы, как, к примеру, В.Е. Ковского «Реалисты и романтики. Из творческого опыта русской советской классики» (Москва, 1990), Д.К. Царика «Типология неоромантизма» (Кишинев, 1984), в которых, в частности, идет речь и о творчестве А.С. Грина. И, конечно же, исследования, которые непосредственно посвящены художественному своеобразию прозы этого автора. Так, к примеру, ученый из Польши Е. Литвинов, подробно остановился на показательном для эстетической программы А. Грина акценте на вневременной проблематике и дидактизме, роднящих его произведения с модернистской прозой [6, с. 67–68]. Отмеченная исследователем особенность проявляется и на уровне жанровой природы его рассказов, повестей и романов.

Заметив, что поэзия – это жанры, а поэтика – теория жанров [5, с. 25], Цветан Тодоров пишет, что литературы без жанров никогда не было. Это система, которая переживает постоянную трансформацию. И в наибольшей степени это характерно для переходных художественных эпох. Жанры, пишет Цветан Тодоров, функционируют как «горизонты ожидания» для читателя, как «модели письма» для автора [5, с. 29]. Суть же процесса трансформации жанровой парадигмы заключается в том, что писатели меняют «модели письма», нарушая тем самым «горизонты ожидания» читателей. Так и А. Грин в «Отравленном острове» дает установку своему реципиенту на определенный жанр, чтобы тот затем обнаружил, что оказался на ложном пути.

Какие это «горизонты ожидания»? Судя по тому названию, под которым рассказ был впервые напечатан в журнале «Огонек» в 1916 году («Сказка далекого океана»), это, скорее всего, должно было быть произведение, содержащее идиллический хронотоп. И в самом деле, в описании острова присутствуют, пожалуй, все названные М.М. Бахтиным, признаки идиллии: локализация жизни в ограниченном пространстве, единство жизни нескольких поколений, ограниченность ее содержания «немногочисленными реальностями», единство ритма жизни людей и природных про-

цессов. Но с такой же долей вероятности «Отравленный остров» можно причислить к основанной на достоверных фактах художественно-документальной литературе, точнее – жанру очерков-путешествий. Обратим внимание на начало рассказа, выдержанное в строгом документальном стиле: «По рассказу капитана Тарта, прибывшего из Новой Зеландии в Ахуан-Скап, и согласно заявлению его местным властям, заявлению, подтвержденному свидетельством паровой команды, в южной части Тихого океана... Остров Фарфонт лежит на 41°17' южной широты, в стороне от морских путей. Он был открыт в 1869 году» и т.д. [1, с. 362]. Еще больше оснований предположить принадлежность произведения к детективному жанру, поскольку в нем сообщается о гибели от яда множества людей, т.е. о преступлении. Именно так истолковали массовую гибель островитян газетчики, как следует из рассказа. Скоррея, единственного из взрослых, кого смогли спасти от действия яда, заподозрили в преднамеренном преступлении и писали о «хитрой предусмотрительности злодея», назвали его «свирепый убийца» [1, с. 367]. Однако постепенно читателю становится ясно, что, хотя все названные дискурсы и присутствуют в произведении, не они определяют его жанровую суть. Примечательно, что, несмотря на добровольный характер ухода населения острова из жизни, произведение называется не «отравившийся», а «Отравленный остров». Таким образом, акцент делается на вызвавшей это добровольное решение опасности, идущей из внешнего, «большого» мира.

Кстати, мотив массового самоубийства присутствует не только в этом произведении А.С. Грина. Его исследованию в художественном мире другого гриновского рассказа («Рай») посвящена статья Г.Л. Нефагиной и А.О. Шелемовой. Как следует из вывода, к которому пришли исследовательницы, в центре этого произведения – «психологическое состояние интеллигенции периода духовного кризиса» [4, с. 161]. В рассказе «Отравленный остров» подобный кризис, единственным выходом из которого оказывается смерть, переживает все население острова. Причем, как уже было отмечено, эта смерть оценивается как насильственный акт. В таком случае возникает вопрос, кем или же чем было осуществлено это насилие. И ответом, на наш взгляд, будет «цивилизация», оцениваемая в таком случае примерно так же, как и в известной работе Освальда Шпенглера «Закат Европы», первый том которой появился почти в то же время, что и рассказ Александра Грина, если быть точным, на два года позже. Немецкий историк культуры и философ исходил из оппозиции «культура – цивилизация», «реализация творческого духа народа – нивелировка духовных ценностей усилением рационализации жизни и последующая деградация». А теперь обратимся к рассказу А.С. Грина. В нем в качестве сообщения, ставшего «преддверием истины», названо письмо за подписью капитана Брамса. Его

текст занимает большую часть третьей главы рассказа. В нем подробно описывается вид острова, история его населения (потомство двух семей эмигрантов), облик и быт островитян. Из письма следует, что во время свадебного пира капитан рассказал этим «жизнерадостным» и «гостеприимным» людям о «великих делах мира, изобретениях и титанической борьбе...» [1, с. 370]. Как он и ожидал, его рассказ «поразил» слушателей. Они «были потрясены», – замечает он. И далее: «Люди с Луны или с Марса, попади они на землю, не вызвали бы такого убийственного интереса к себе, как мы...» [1, с. 371]. Главным образом капитан передавал недавние военные события, сообщил о «гениальных завоеваниях человека в области воздухоплавания, радио, химии, морской и артиллерийской техники». «Я, – вспоминает Брамс, – нарисовал им возможно полную картину гигантской борьбы девяти государств, представив все ее крупнейшие события, ее план, ход, темп, технические и моральные средства, пущенные в ход противниками... Я описывал им внешность дредноутов, цепелинов, аэропланов, бетонных окопов и бронированных фортов, приводя слушателей в трепет весом шестнадцатидюймового снаряда или размерами земляной воронки после взрыва бомбы, способной смести деревню» [1, с. 371]. Все это время капитан Брамс испытывал «невольное чувство гордости» за достижения цивилизации и превосходство над «полуробинзонами». Итак, третья глава содержит точку зрения человека «большого» мира на развитие военной и технической мощи человечества.

Четвертая глава, в которой передается рассказ Скоррея о последовавших после посещения острова моряками событиях, содержит угол зрения на происходящее в мире «полуробинзонов». Люди, которым был знаком только «плеск волн и шелест цветущих веток», узнали о пережитой Европой страшной войне. Однако им оказалось недоступным чувство восторга капитана Брамса перед оружием. Напротив, их ужаснуло представление о погибающих от этого оружия захваченных войной сотнях миллионов людей. «Мы, – сообщает Скоррей, – узнали, что люди летают стаями на крылатых машинах, бросая сверху бомбы в корабли, дома и леса. Мы узнали, что посредством особого удушливого ветра сжигают легкие десяткам тысяч солдат, и многое другое». Но главное, что теперь неотступно поселилось в их сознании – это вопрос: «не повторится ли снова такая же война» [1, с. 372]. Склонные, как и все туземцы, к аффективным состояниям островитяне уже не могли найти покоя. В их воображении все небо было покрыто «быстро несущимися таинственными кораблями», они явно слышали «гул и свист, удары и протяжный звон колоколов», видели «темные громады судов неизвестной национальности, преследующие друг друга» [1, с. 374; 375]. Можно предположить, что рассказ А. Грина, как и книга О. Шпенглера «Закат Европы» (а оба автора пережили Первую

мировую войну), содержит вывод относительно того, что одна из причин опасности цивилизации – развитие военной мощи стран, необходимой «городам» для захвата «чужой» земли. Таким образом, решающими в определении жанровой природы рассказа являются не его видимая фактографичность, отвечающая требованию предельной достоверности, не картины устройства жизни и нравов изолированного от исторической жизни населения острова и даже не процесс раскрытия преступления, а постановка и решение в нем проблем универсального характера, имеющих отношение ко всему человечеству.

На основании этого возможен вывод относительно притчевой составляющей в рассказе А. Грина «Отравленный остров». На близость произведений А.С. Грина притче уже обращали внимание исследователи. Так, к примеру, Т.Е. Загвоздкина, выделив в его романах «учительный пафос, повышенную субъективность, стремление к наиболее полному, открытому выражению нравственно-философской идеи» [2, с. 130], обосновывает их связь с притчевой традицией на типологическом и генетическом уровнях. В творчестве А.С. Грина, пишет другой исследователь, А.Н. Мазин, «сложилась индивидуальная жанровая система, подчиняющаяся общим закономерностям и построенная по единым принципам». И далее он называет признаки, на основе которых делает вывод о создании писателем «особой жанровой разновидности в русской советской литературе – притчеобразного нравственно-философского рассказа и романа» [3, с. 63]. Среди них – постановка А. Грином нравственно-философского эксперимента, который является «главным структурообразующим элементом притчи» [3, с. 59], намеренная дидактичность, обнаженность финала, подчеркнутая моралистичность нравственного итога [3, с. 61]. Сама по себе притча, касающаяся коренных проблем мироустройства, как и басня, хрия, аполог, принадлежит художественно-риторической группе жанров. В ее основе – миф. Применительно к рассказу А.С. Грина, о котором идет речь, это, безусловно, миф о золотом веке. И в этом плане самым близким А.С. Грину его предшественником в русской литературе был автор «Сна смешного человека». Безусловно, различия между названными произведениями очевидны: обитатели звезды у Ф.М. Достоевского приняли идею смешного человека, и для них стало органичным новое миропонимание, а для островитян в рассказе А. Грина происходящее в «большом» мире так и осталось абсолютно «чужим» и опасным. Но тот факт, что в основе обоих рассказов лежит мотив утраты первоначальной гармонии в результате вторжения в жизнь пребывающих в состоянии людей «золотого века» того, что представляет мир цивилизации и приходит извне, позволяет сблизить оба произведения.

Закрывающие рассказ А. Грина строки не дают читателю возможности однозначного толкования случившегося. Стенограф, записавший рас-

сказ Скоррея, позволил себе следующее замечание: «Это были самые счастливые люди на всей земле, убитые эхом давно отзвучавших залпов, беспримерных в истории» [1, с. 376]. В этом замечании выражено не только сожаление об уходе из жизни «самых счастливых людей», но и признание бессмысленности их ухода: их убили залпы войны, которой уже давно не было. А потому и уход уже ничего не мог изменить. Историю останавливать бессмысленно. Автору рассказа не присущ руссоизм. Но очевидно его понимание того, что развиваться история человечества должна так, чтобы не создавалась основа для гибели народов, будь то массовые самоубийства или же массовые военные убийства.

Список использованной литературы

1. Грин, А. С. Отравленный остров / А. С. Грин // Собр. соч. В 6 т. Т. 6. – М. : Правда, 1980. – С. 362–376.
2. Загвоздкина, Т. Е. Сюжетно-композиционная структура и формы выражения авторского сознания в романах Грина / Т. Е. Загвоздкина // Александр Грин: человек и художник : материалы XIV междунар. науч. конф. – Симферополь : Крым. архив, 2000. – С. 121–132.
3. Мазин, А. Н. Притчевая компонентность романтической прозы А. Грина / А. Н. Мазин // Вопросы русской литературы : межвуз. науч. сб. – Симферополь : Крым. архив, 2000. – Вып. 6 (63). – С. 54–64.
4. Нефагина, Г. Л. Художественный мир рассказа «Рай» А. Грина / Г. Л. Нефагина, А. О. Шелемова // Александр Грин: человек и художник : материалы XIV междунар. науч. конф. – Симферополь : Крым. архив, 2000. – С. 160–161.
5. Тодоров, Ц. Поняття літератури та інші есе / Ц. Тодоров ; пер. з фр. Є. Марічева. – Київ. : Києво-Могилян. акад., 2006. – 162 с.
6. Litwinow, J. Proza Aleksandra Grina / J. Litwinow. – Poznań, 1986. – 174 с.